

МАССОВЫЕ БЕСПОРЯДКИ В ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ В УСЛОВИЯХ РЕВОЛЮЦИОННОГО КРИЗИСА 1917 г. (по документам Государственного архива Пермского края)

Аннотация. Статья описывает некоторые яркие примеры массовых беспорядков, происходивших в Пермской губернии на фоне противостояния различных социальных сил и отсутствия твердой государственной власти, в ходе русской революции 1917 года. Источник информации – документы, хранящиеся в фондах Государственного архива Пермского края.

Ключевые слова: массовые беспорядки, безвластие, крестьяне, солдаты, губернский комиссар, самовольные захваты собственности, массовые побегі заключенных, комитет безопасности, самоохрана.

О массовых беспорядках на территории Пермской губернии свидетельствует значительное количество документов, хранящихся в Государственном архиве Пермского края. Прежде всего, это документы фонда 167 «Пермский губернский комиссар Временного правительства» – к главе губернской исполнительной власти в период правления Временного правительства стекалась информация о беспорядках со всей губернии. Также документы подобного характера хранятся в фондах 35 «Пермская городская управа», 164 «Тюремное отделение Пермского губернского правления Министерства внутренних дел», 712 «Начальник 2-го участка Пермской городской милиции» и ряде других.

Массовые стихийные беспорядки – неизбежный спутник революционных потрясений в любой стране и во всей эпохи. В условиях, когда старая система власти разрушилась, а новая только складывается и не обладает большим авторитетом, подкрепленным развитым репрессивным механизмом, массовое неподчинение законам и стремление решить возникающие проблемы силовым путем приобретает в обществе характер эпидемии.

В условиях России 1917 года ситуация революционного безвластия усугублялась отсутствием в стране традиций гражданского общества, решения спорных вопросов демократическим путем. Тем сильнее было убеждение многих россиян в наступившей вседозволенности, в собственном праве игнорировать распоряжения власти и вершить расправу с теми, кто по произволу считается виновником общественных неурядиц. В результате, когда прошла «эйфория» первых дней Февраля, стихийные беспорядки, столкновения по любому поводу стали нормой жизни многих российских городов и сел.

Не была здесь исключением и Пермская губерния. Участниками беспорядков являлись в первую очередь крестьяне и солдаты – наименее просвещенные слои российского общества, в то же время наиболее готовые к массовому насилию, как почти единственному аргументу для отстаивания своих интересов.

Особенную ненависть многих россиян вызывало все, что напоминало об ушедшем самодержавии, а также любые должностные лица новой власти, особенно если она «унаследовала» их у старой. Причем касалось это даже и такого, казалось бы, «безобидного» ведомства, как почта. Так, 12 апреля 1917 года и. о. начальника Пермского почтово-телеграфного пункта Щучкин докладывал в рапорте на имя Пермского губернского комиссара А. Е. Ширяева:

«За последнее время произошло несколько случаев самоуправства граждан некоторых заводов и сел Пермской губ[ернии] над чинами почтово-телеграфных учреждений, выразившегося в арестах и сдаче чинов в военную службу, назначении на место их выборных из среды своей, и постановлениях о закрытии почтовых учреждений... Самоуправные действия граждан нарушали правильное функционирование учреждений и тем самым приносили ущерб интересам большинства, лишая их своевременной сдачи, отправки и получения корреспонденции. Постановления о закрытии учреждений идут вразрез культурному развитию Пермского края» [1. Л. 124–125].

Здесь мы видим некоторые характерные черты массовых беспорядков в России 1917 года – неприязнь к любым «власть предержащим», стремление всех их заменить собственными избранниками, а на бывших начальников возложить наиболее ненавистные среди народа обязанности, в частности по службе в армии в период все менее популярной войны.

Как и в ходе современных революционных кризисов, поводом к беспорядкам в 1917 году нередко становилось стремление сторонников новой власти уничтожить символику прежнего режима, любые памятные знаки, посвященные его деятелям. Типичный пример подобных действий содержит телеграмма Екатеринбургского полицейского управления, направленная Пермскому губернскому комиссару 26 апреля. В ней говорилось:

«Через Екатеринбург прошли маршем роты из Сибири. Толпами ходили по улицам. Срывали вывески с гербами. Уничтожали на зданиях магазинов, учреждений портреты государей, сбрасывали памятники. Комитет безопасности предупреждает принятием мер против уничтожения означенных предметов, собственными распоряжениями. Возможны эксцессы» [2. Л. 12].

Количество беспорядков росло по мере общего ухудшения ситуации в стране, отсутствия внятного решения наиболее болезненных вопросов. Одним из важнейших был аграрный вопрос – крестьяне требовали раздела между ними всех пригодных для обработки земельных владений, а также отмены введенных в связи с войной повинностей. Не удовлетворяясь обещаниями либеральных и умеренно-социалистических партий о решении этих проблем Учредительным собранием, крестьяне нередко самовольно захватывали земли и отказывались выполнять государственные повинности. В частности, 16 мая Кунгурский уездный комиссар Временного правительства П. С. Ковин сообщал Пермскому губернскому комиссару:

1) Была произведена скопом, крестьянами Черноярской волости дер. Лапаи-

хи, рубка казенных дач Асовского лесничества, каковая остановлена по высылке на место представителя Исполнительного комитета.

2) Совершен поджог из мести на почве бывшей разверстки хлеба по снабжению армии у Сосновского волостного старшины, о чем ведется следствие. Подозреваемый арестован.

3) Произведена в Комаровской волости запашка земель отрубных хозяйств общинниками, каковое недоразумение при моих личных выездах устранено. Причем общинники согласились до разрешения вопроса учредительным собранием остаться при старом землевладении.

4) Агитация солдата Самсонова о неплатеже податей; Самсонов по распоряжению Исполнительного комитета арестован» [3. Л. 21–21 об.].

Поводов к насилию, вследствие неэффективной деятельности правящих кругов, находилось достаточно. Причем стремление к уничтожению власти и собственности имущих классов, созвучное требованиям большевиков и других радикальных сил, иногда парадоксально соединялось с ностальгическими настроениями по поводу «твердой» царской власти. В частности, в августе 1917 года массовые беспорядки вспыхнули в селе Кочебахинском Кунгурского уезда. Причем поводом к ним стала всего лишь попытка проведения сельскохозяйственной переписи. Заведующий переписью в Кунгурском уезде С. Н. Рузанкин в своем письме губернскому комиссару докладывал о поведении крестьян в отношении людей, присланных для проведения переписи:

«Так, например, они называли нас «политиканами», без воли Кочебахинского схода низложившими Николая II, в царствование которого всего было вдоволь. На нас сыпались всевозможные оскорбительные слова и выражения, вплоть до сквернословия. Особенно вызывающе держала себя Татьяна Васильевна Коковина, которая, как было заметно, чуть не пустила в ход руки, и только благодаря мягкости моего к ней обращения, оскорбление действие не получило место. Она говорила, что до той поры ничего не дадут нам, пока мы не поставим царя Николая II, что все временного правительство, комитеты, Советы и вообще существующие теперь организации следует уничтожить «к черту», ибо крестьяне им не верят, и верить не будут, так как это правительство не дает народу ни крупчатки, ни сахару, ни ситцев и т. д.» [4. Л. 22–22 об.].

Противостояние в Кочебахинском дошло до переброски в село вооруженной силы – солдат и милиционеров, которые произвели арест ряда активных участников беспорядков. Как указывается в телефонограмме начальника 1-го участка Рождественной милиции Потапова, «приведенная и арестованная Мартемьяна Васильевна Рябухина заявила, что новое правительство не нужно, а нужно нам царя, т. к. при царе были порядки и не было воров» [4. Л. 11].

Впрочем, агрессия против представителей власти порой носила практически немотивированный характер. Этому способствовала и низкая грамотность большей части россиян, их невежество порой даже в самых элементарных вопросах. Характерный пример беспорядков, повод к которым носил буквально нелепый характер, описывается в рапорте почтового чиновника Лебедевой начальнику Пермского почтово-телеграфного отделения об избиении солдатами начальника почтового отделения Лебедева от 20 июня 1917 года:

«19 июня в селе Путино произошло следующее. В 3 часа к почтовому отделению подошло несколько солдат (был базарный день). Один из них сбил вывеску «Государственная сберегательная касса» и закричал: «Что за государственная? Разве у нас государь?» Начальник отделения Лебедев... пытался объяснить ему, что мы изгнали государя, но государство осталось, т. к. государство – это весь народ, а государственная касса – народная касса. На эти слова солдат закричал: «А ты за старое стоишь?! Это не государственная касса, а наша, мы – хозяева!». К нему присоединились еще несколько человек и стали кричать, что тут скрываются приверженцы старого строя... Лебедев, увидев, что сопротивляться бесполезно, отдал револьвер. Увидев его обезоруженным, два или три солдата набросились и начали бить, бросили на пол и топтали ногами... Дома Лебедев пришел в сознание. Он сильно избит, болен, но оправляется, т. к. сильных увечий и переломов не получил». Нередко подобные эксцессы порождались и неумеренным потреблением спиртных напитков, в частности, в рапорте Лебедевой указывается, что после избиения начальника почтового отделения «виновные продолжали «гулянье» по улице с гармонией и пьяными песнями» [5. Л. 158–159].

На фоне подобных событий тем более привычным стало массовое нарушение имущественных прав состоятельных лиц, непризнание прав собственности, фактическое начало узаконенной позже большевистским правительством национализации земли и прочих угодий. Так, 12 сентября на губернском земельном совещании председатель Осинского уездного земельного комитета докладывал о примере подобных действий со стороны крестьян:

«Есть сейчас телеграмма, что в имении бар. Таубе производится населением рубка леса. Насколько и мне известно, дело это заключается в следующем. Весной этого года бар Таубе продал лесопромышленникам на 200 тыс. рублей леса. Покупатели – еврей-лесопромышленники – заручились согласием лесоохранительного комитета, и вообще дело оставили в формальной стороне правильно и, мотивируя тем, что заготавливаемый лес идет на нужды обороны, приступили к его заготовке. К земельным комитетам не обращаются, и население держит себя вызывающе... Местное население, не имея своих лесов, опасаясь, видимо, что местность лесопромышленниками будет обезлесена, и выступило с самоуправством. Та же картина наблюдается и на Камбарской даче» [6. Л. 44–45].

Катастрофический всплеск массовых беспорядков произошел осенью 1917 года, в связи с переходом революции на новый этап. В условиях хаоса, противостояния между не желавшей уходить демократической властью и большевиками, Пермскую губернию захлестнула волна произвола и насилия. 14 ноября Пермский уездный комиссар Временного правительства докладывал губернскому комиссару о событиях в уезде:

«Проявление анархической разнузданности с особенной силой выразилось на Лысьвенском заводе. Из наиболее крупных проявлений следует указать: убийство 7 октября инженера Леончукова, убийство семьи инженера Введенского и разгром его квартиры 24 октября, уличные беспорядки со стрельбой, ранеными и убитыми, ликвидированные 25 октября» [7. Л. 58]. Уездный комиссар особенно подчеркивает роль дезорганизации работы органов правопорядка после Февраля как одну из важнейших причин постоянных беспорядков – «население, выбрав из своих одно-

сельчан милиционера, его же закабаляло различными связями кумовства, родства, знакомства, и под угрозами воздействия на личность и жилище, творило прихоть завоеволия... Дезертиры остаются на местах безнаказанно, творят безобразия, угрожая должностным лицам, как [это было в] Курашине. Кумышка с каждым днем все более и более разливается по волостям, и темные силы своей агитацией открыто заявляют о безвластии и безнаказанности своих поступков» [7. Л. 59].

Октябрьский переворот привел к ликвидации остатков порядка по всей губернии – неорганизованные толпы громили склады спирта, из тюрем массово бежали заключенные. Яркий пример последнему содержится в рапорте начальника Шадринской тюрьмы, направленном 25 ноября 1917 года Пермскому тюремному инспектору. Начальник тюрьмы докладывал:

«Доношу Вам, в дополнение к телеграмме моей от 15 ноября с.г., что из вверенной мне тюрьмы вышли самовольно заключенные в числе 49 человек (из коих четверо возвращены) при следующих обстоятельствах. В 9 часов утра появилась масса пьяных солдат с водкой и спиртом в руках кругом тюрьмы. У внешних ворот толпа солдат требовала с угрозой впустить их в тюрьму, а кругом через забор солдаты бросали водку во двор тюрьмы, в полубутылочной и бутылочной посуде... Большая часть заключенных успела напиться пьяными... На лестнице, ведущей в контору, меня встретил старший н[адзирате]ль Михаил Качалков, который успел доложить мне, что со всего корпуса заключенные выходят за ворота, и действительно, я увидел, что толпа заключенных выбегает в калитку за внутренние ворота... Из опроса надзирателей выяснилось, что при возвращении заключенных с прогулки в коридоре корпуса нижнего этажа заключенные напали на дежурного младшего надзирателя Тимофея Прохорова и силой отняли у него ключи от камер. Открыв ключами двери от камер, выпустили из них заключенных, не бывших на прогулке» [8. Л. 2–3].

В рапорте содержится и красноречивый пример поведения в такой ситуации тех, кто должен был поддерживать порядок: «...из состава надзирателей, находившихся во дворе тюрьмы, Василий Перцов и Степан Бабкин оказались пьяны. Первого явившаяся на помощь дружина отправила в арестантское помещение при милиции, второй же был настолько пьян, что лежал на хозяйственном дворе, вынесенный надзирателями из корпуса, и у него не оказалось револьвера, который у него был взят в камере заключенным Кавардиным, который и возвратил револьвер без сопротивления» [8. Л. 3].

Полный паралич власти, неспособность ни органов Временного правительства, ни большевизированных Советов справиться с анархией побуждали жителей Пермской губернии к самоорганизации с целью защиты своей жизни и имущества. Например, в протоколе Нижнемуллинского волостного схода от 19 ноября 1917 года зафиксировано:

«Выслушали предложение Нижнемуллинской волостной земской управы об избрании от нашего общества Комитета безопасности, на каковой должно быть возложено: охрана порядка в обществе, обязанность смотреть за трезвостью, не допускать гонки кумышки, хлебной браги, азартной карточной игры, и вообще в корне прерывать всякое хулиганство» [9. Л. 36].

Подобные же инициативы возникали и в губернском центре, где поддержали порядок было задачей еще более сложной, нежели в небольших населенных пун-

ктах. Об усилиях простых пермяков самостоятельно противостоять беспорядкам свидетельствует, в частности, протокол общего собрания 3-го района города Перми (в настоящее время – Дзержинский район) от 8 ноября 1917 года. Участники собрания постановили:

«... выбрать начальника самоохраны, каковым и выбран поручик Носов. Причем одновременно принята для всего района следующая система самоохраны: каждый квартал выбирает квартального начальника, который назначает и следит за очередями дежурств, по 8 человек на квартал, должных продолжаться по 2 часа в квартальной и по 2 часа в ударной группе, находящихся в конторе склада «Пермолес» (угол Петропавловской и Биармской, 62-й квартал, телефон 5-64)» [10. Л. 3-3 об.].

Массовые беспорядки 1917 года стали своего рода прелюдией гражданской войны. В условиях противостояния различных социальных групп и политических сил, не способных к компромиссу, стихийные столкновения продолжились крупномасштабным вооруженным конфликтом, приведшим к установлению в России однопартийной диктатуры.

Список источников и литературы

1. ГАПК. Ф. 167. Оп. 2. Д. 1.
2. ГАПК. Ф. 167. Оп. 2. Д. 6.
3. ГАПК. Ф. 167. Оп. 2. Д. 16.
4. ГАПК. Ф. 167. Оп. 2. Д. 38.
5. ГАПК. Ф. 167. Оп. 2. Д. 12.
6. ГАПК. Ф. р-469. Оп. 1. Д. 4.
7. ГАПК. Ф. 167. Оп. 2. Д. 7.
8. ГАПК. Ф. 164. Оп. 1. Д. 287.
9. ГАПК. Ф. 224. Оп. 1. Д. 1.
10. ГАПК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 365.

MASS RIOTS IN THE PERM PROVINCE IN THE CONDITIONS OF THE 1917 REVOLUTIONARY CRISIS. ON DOCUMENTS OF THE STATE ARCHIVE OF THE PERM REGION

Sarabeev V. J., employee of the State Archive of the Perm Region

Abstract. The article describes some vivid examples of mass riots that took place in the Perm province against the backdrop of confronting various social forces and the lack of firm state power during the Russian revolution of 1917. The source of the information is the documents kept in the funds of the State Archives of Perm Krai.

Keywords: mass riots, powerlessness, peasants, soldiers, provincial commissioner, unauthorized seizure of property, mass escapes of prisoners, security committee, self-protection.